

Однако через месяц ворота Ецзина распахнулись. Но не потому что беженцы сумели прорваться, а потому что дверь открыл охранник, получивший приказ сделать это.

Сверженный принц и два генерала ввели свои войска во дворец.

После недолгих поисков они нашли Сяо Чжигэ одного в уединенном дворце Циу. Одинокий Император, сидевший у окна, покончил с собой, заколовшись острым ножом.

Обнаружив бездыханное тело, принц отрубил ему голову и повесил ее на воротах Ецзина, а тело было брошено в братскую могилу, после чего съедено дикими собаками.

Он утверждал, что убил тирана по велению небес. Только Ан Чан Цин, молча наблюдавший за ним, знал, что Сяо Чжигэ на самом деле победил.

Императорская армия, лично обученная им, была одним из самых грозных войск, и они были абсолютно преданы своему военачальнику. Хотя беженцев было много, их боевые возможности были значительно ниже. Кроме того, их войска были сокращены до пятидесяти тысяч, и их поражение было всего лишь вопросом времени.

Но в ту же ночь Сяо Чжигэ вызвал своего заместителя и отдал ему последний военный приказ - открыть ворота Ецзина и сдаться. Затем этот мужчина сидел во дворце Циу, держа в руках кусок нефрита. Он смотрел на него всю ночь и на рассвете решил покончить с собой.

Никто не знал, о чем были его последние мысли, только Ан Чан Цин смог мельком их уловить. Покойный император держал в руке кусок нефрита, на котором был вырезан символ рыбы-близнеца - тот самый, который мать подарила ему на десятый день рождения.

Он был при нем восемнадцать лет, до самой смерти. Ан Чан Цин думал, что памятный подарок матери был похоронен вместе с ним, и не ожидал, что этот нефрит окажется в руках Сяо Чжигэ. Он так и остался в руках мертвого императора, когда его труп бросили в братскую могилу.

В то время Ан Чан Цин хотел накрыть его тело соломенной циновкой, но не смог сделать этого. Он мог только смотреть, как обезглавленное тело императора поедают стервятники и дикие собаки, пока от него не останутся одни кости.

Когда кусок нефритовой рыбы-близнеца лишился владельца, его подобрал нищий, проходящий мимо «могилы». В тот день, глядя на пустую ладонь скелета бывшего императора, Ан Чан Цин неожиданно заплакал.

Он испытывал всепоглощающую печаль, какую никогда прежде не ощущал.

Интенсивный плач погрузил его сознание в полный хаос, и когда он очнулся, то вернулся к

зиме пятнадцатого года Цинли, в тот день, когда его выдали замуж за Сяо Чжигэ.

Ан Чан Цин посмотрел на свои, уже непрозрачные, руки и ущипнул себя за щеку. Прикосновение было настолько реальным, что совсем не походило на сон.

Может быть, небеса благословили его.

Возможно, из-за того, что он прожил запутанную жизнь и совершил слишком много ошибок, ему дали второй шанс все исправить. Получив возможность все изменить, он не мог позволить себе снова пройти по неверному пути.

Пока он был погружен в глубокие раздумья, снаружи раздался голос Анфу, и дверь со скрипом открылась.

Ан Чан Цин обернулся и увидел молодого Сяо Чжигэ, спокойно идущего к нему.

- Ванг Е, - Ан Чан Цин встал и поприветствовал его улыбкой.

Когда он подошел ближе, Ан Чан Цин понял, что от него сильно пахнет алкоголем - вероятно, было выпито слишком много вина.

Он потянулся вперед, чтобы поддержать его, и обнаружил, что Сяо Чжигэ выше его на полголовы. Его тело было крепким, а руки - мускулистыми.

К счастью, несмотря на то что Сяо Чжигэ выпил больше, чем было необходимо, его разум все еще был ясен. Он позволил Ан Чан Цину проводить себя до кровати и сел.

Оказав ему помощь, Ан Чан Цин повел Анфу на кухню, чтобы приготовить суп от похмелья.

Когда он вернулся в комнату, то обнаружил, что Сяо Чжигэ пристально наблюдает за ним, не моргая. Его глаза были затуманены, а слегка нахмуренные брови делали серьезное лицо еще более суровым.

Ан Чан Цин был несколько озадачен. С самого начала у него была робкая натура. Но от воспоминаний о нежности, с которой супруг держал его перед смертью в своих объятиях, утешая снова и снова, его сердце успокоилось.

Собравшись с духом, Ан Чан Цин сел рядом с Сяо Чжигэ и протянул ему маленькую чашу:

- Ванг Е, сначала выпей суп от похмелья.

Глаза Сяо Чжигэ дрогнули, когда его взгляд упал на белые пальцы Ан Чан Цина, держащие фарфоровую чашу. Его руки были красивыми, тонкими и белыми, а кончики пальцев – аккуратными и изящными. В приглушенном свете его кожа приобрела розоватый оттенок.

Сяо Чжигэ сглотнул, и было видно, как его кадык поднялся и опустился.

Он взял чашу, не сказав ни единого слова. Выпив суп, Сяо Чжигэ отставил чашу в сторону, и атмосфера снова стала напряженной.

Сяо Чжигэ всегда был немногословен, в то время как Ан Чан Цин нервничал из-за предстоящей обязательной части свадебной церемонии.

В предыдущей жизни они никогда не делили ложе. В то время он испытывал только страх и неприязнь к Сяо Чжигэ. Не плакать при виде него было его лучшим достижением, которое стоило огромных усилий.

Даже когда они обменялись вином хэцзинь, у одного из них лицо выражало только испуг, а у второго полностью отсутствовали какие-либо эмоции.

Сяо Чжигэ, казалось, заметил его страх и уснул в кабинете, ничего не сказав. И продолжал делать это в течение долгого времени.

Тогда он испытывал облегчение от того, что смог избежать брачной ночи. Однако в этой жизни все должно было измениться.

Ан Чан Цин знал не так уж и много о том, как это происходит между мужчинами. Он утешал себя, что при должной подготовке это не должно навредить ему. Более того, слухи не заслуживали доверия, он узнал это на собственном горьком опыте в своей прошлой жизни.

Слухи о том, что Сяо Чжигэ чрезвычайно груб в этом плане тоже должны быть ложными... не так ли?

Лицо Ан Чан Цина покраснело. Он украдкой взглянул на кровать и увидел два маленьких фарфоровых кувшина. Они были приготовлены специально для первой ночи. Он нервно сжал пальцы. Ан Чан Цин постарался, чтобы его голос звучал естественно:

– Ванг Е, уже поздно. Почему бы нам не пойти спать? – Голос его звучал спокойно, но обнаженная шея покраснела.

Сяо Чжигэ оставался неподвижным, только его глаза приобрели чуть более глубокий оттенок черного.

<http://bllate.org/book/13048/1151660>